

Александр Дюма
Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Том 1

Часть первая

I. Письмо

В середине мая 1660 года, в девять часов утра, когда солнце, начавшее уже припекать, высушило росу на левкоях Блуаского замка, небольшая кавалькада, состоявшая из трех дворян и двух пажей, проехала по городскому мосту, не произведя большого впечатления на гуляющих по набережной. Они лишь прикоснулись к шляпам со следующими словами:

— Его высочество возвращается с охоты.

И только.

Пока лошади брали крутой подъем от реки к замку, несколько сидельцев подошли к последней лошади, к седлу которой были привешены за клюв разные птицы.

С истинно деревенской откровенностью любопытные выразили пренебрежение к такой скудной добыче и, потолковав между собою о невыгодах охоты влет, вернулись к своим делам.

Только один из любопытных — рослый, краснощекий веселый малый — спросил, почему его высочество, имея возможность хорошо проводить время благодаря своим огромным доходам, довольствуется столь жалким развлечением.

Ему отвечали:

— Разве ты не знаешь, что для его высочества главное развлечение — скука?

Весельчак пожал плечами с жестом, который ясно говорил: «В таком случае я предпочитаю быть лавочником, а не принцем».

И каждый вернулся к своей работе.

Между тем его высочество продолжал свой путь с таким задумчивым и в то же время величественным видом, что, верно, ему изумились бы зрители, если бы таковые были; но жители Блуа не могли простить герцогу того, что он выбрал их веселый город, чтобы скучать там без помехи. Завидев скучающего принца, они обыкновенно отворачивались, зевая, или отходили от окон в глубину комнат, точно избегая усыпительного влияния этого вытянутого, бледного лица, сонных глаз и вялой походки. Таким образом, достойный принц мог быть почти уверен, что никого не увидит на улицах, если вздумает прогуляться.

Конечно, со стороны жителей Блуа это являлось преступной непочтительностью: его высочество был первым вельможей Франции после короля, а может быть, и включая короля. Действительно, если Людовик XIV, тогда царствовавший, имел счастье родиться сыном Людовика XIII, то его высочество имел честь родиться сыном Генриха IV. Следовательно, жители Блуа должны были гордиться предпочтением, которое герцог Гастон Орлеанский оказал их городу, поселившись со своим двором в старинном Блуаском замке.

Но такова была судьба этого высокородного принца: он никогда не возбуждал внимания и удивления толпы. С течением времени он привык к этому. Может быть, именно этим объясняется его равнодушный и скучающий вид. Прежде он был очень занят. Казнь доброй дюжины его лучших друзей причинила ему немало хлопот. Но со времени прихода к власти кардинала Мазарини казни прекратились, его высочество остался без всякого занятия, и это отражалось на

его настроении.

Жизнь бедного принца протекала очень скучно. По утрам он охотился на берегах Беврона или в роще Шеверни, потом переправлялся через Луару и затракал в Шамборе, с аппетитом или без аппетита; и до следующей охоты жители Блуа ничего не слышали о своем владыке и господине.

Вот как принц скучал *extra muros*; ¹ что же касается его скуки в стенах города, то мы дадим о ней понятие читателю, если он потрудится последовать вместе с нами за кавалькадой к величественному входу в Блуаский замок.

Его высочество ехал верхом на маленькой рыжей лошади, в большом седле красного фландрского бархата со стремянами в форме испанского сапога. Пунцовый бархатный камзол принца, под плащом такого же цвета, сливался с седлом, и благодаря этому красному цвету принц выделялся среди своих спутников, из которых один был в лиловом, другой в зеленом платье. Человек в лиловом, шталмейстер, ехал по левую руку, обер-егермейстер в зеленом — по правую.

Один из пажей держал на шесте с перекладиной двух соколов. У другого в руке был охотничий рог; шагах в двадцати от замка он лениво затрубил. Все окружающие ленивого принца делали свое дело тоже лениво. Услышав сигнал, восемь часовых, гулявших на солнце в квадратном дворе, схватили алебарды, и его высочество торжественно вступил в замок.

Когда герцог въехал во двор, мальчишки, которые мчались за кавалькадой, указывая друг другу на убитых птиц, разбежались, отпуская замечания по поводу виденного. Улица, площадь и двор опустели.

Его высочество молча сошел с лошади, проследовал в свои покои, где слуга подал ему переодеться, и так как ее высочество еще не прислала известить о завтраке, то его высочество опустился в кресло и заснул так крепко, как будто было одиннадцать часов вечера.

Часовые, зная, что им нечего делать до самой ночи, растянулись на солнце на каменных скамьях; конюхи с лошадьми скрылись в конюшнях; казалось, все заснуло в замке, подобно его высочеству, только несколько птичек весело щебетали в кустах.

Вдруг среди этой сладостной тишины раздался взрыв звонкого смеха, заставивший нескольких солдат, погруженных в сон, открыть глаза.

Смех неся из одного окна замка, в которое в этот момент заглядывало солнце, заключая его в огромный светлый угол, какие чертят около полудня на стенах профили крыш.

Узорчатый железный балкончик перед этим окном украшали горшки с красными левкоями, примулами и ранними розами, чья зелень, густая и сочная, пестрела множеством маленьких красных блестящих точек, обещающих превратиться в цветы.

В комнате, которой принадлежало это окно, виднелся четырехугольный стол, покрытый старой гарлемской скатертью с крупным цветочным узором. Посреди стола стоял глиняный кувшин с длинным горлышком; в нем были ирисы и ландыши. По обе стороны стола сидели две девушки.

Держали они себя довольно странно: их можно было принять за пансионеров, бежавших из монастыря. Одна, положив локти на стол, старательно выводила буквы на роскошной голландской бумаге; другая, стоя на коленях на стуле, нагнулась над столом и смотрела, как пишет ее подруга. Они смеялись, шутили и,

наконец, захохотали так громко, что испугнули птичек, игравших в кустах, и прервали сон гвардии его высочества.

Раз уж мы занялись портретами, то да будет нам позволено написать еще два — последние в этой главе.

Стоявшая на коленях на стуле шумливая хохотунья, красавица лет девятнадцати-двадцати, смуглая, черноволосая, сверкала глазами, которые вспыхивали из-под резко очерченных бровей; ее зубы блестели, как жемчуг, меж коралловых губ. Каждое ее движение казалось вспышкой молнии; она не просто жила в это мгновение, она вся кипела и пылала.

Та, которая писала, глядела на свою неугомонную подругу голубыми глазами, светлыми и чистыми, как небо в тот день. Ее белокурые пепельные волосы, изящно причесанные, обрамляли мягкими кудрями перламутровые щечки; ее тонкая рука, лежавшая на бумаге, говорила о крайней молодости. При каждом взрыве смеха приятельницы она с досадой пожимала нежными белыми плечами, которым, так же как рукам, недоставало еще округлости и пышности.

— Монтале! Монтале! — сказала она наконец приятным и ласковым голосом. — Вы смеетесь слишком громко, точно мужчина; на вас не только обратят внимание господ караульные, но вы, пожалуй, не услышите звонка ее высочества.

Девушка, которую звали Монтале, не перестала смеяться и шуметь после этого выговора. Она лишь ответила:

— Луиза, дорогая, вы говорите не то, что думаете. Вы знаете, что господ караульные, как вы их называете, теперь заснули и что их не разбудишь даже пушкой; колокол ее высочества слышен даже на Блуаском мосту, и, стало быть, я услышу, когда мне нужно будет идти к ее высочеству. Вам просто мешает, что я смеюсь, когда вы пишете: вы боитесь, как бы госпожа де Сен-Реми, ваша матушка, не пришла к нам — что она иногда делает, когда мы смеемся слишком громко, — не застала нас врасплох и не увидела этого огромного листа бумаги, на котором за четверть часа написано только «Господин Рауль». И вы совершенно правы, милая Луиза: после этих двух слов можно написать много других, таких значительных и пламенных, что ваша добрая матушка получит полное право метать громы и молнии. Не так ли? Отвечайте.

И тут Монтале расхохоталась еще громче.

Блондинка обиделась не на шутку. Она разорвала лист, на котором красивым почерком действительно было написано «Господин Рауль», и, смяв бумагу дрожащими пальцами, бросила ее за окно.

— Вот как! — сказала Монтале. — Наша овечка, наша голубка рассердилась!.. Не бойтесь, Луиза: госпожа де Сен-Реми не придет, а если б и вздумала прийти, так вы знаете — у меня тонкий слух. Притом же вполне позволительно писать старому другу, которого знаешь двенадцать лет, особенно когда письмо начинается словами: «Господин Рауль!»

— Хорошо, я не буду писать ему, — проговорила Луиза.

— Ах, как я наказана! — воскликнула с хохотом черноглазая насмешница. — Ну, берите скорей другой лист бумаги, и сейчас допишем письмо... Ах! Вот и колокол гудит!.. Ну, да мне все равно! Герцогиня подождет или обойдется сегодня без своей фрейлины!

В самом деле, колокол звонил. Это значило, что герцогиня кончила свой

туалет и ждет его высочество, который обыкновенно вел ее под руку из гостиной в столовую.

После этой церемонии супруги завтракали и опять расставались до обеда, подававшегося обычно ровно в два часа.

При звуке колокола в кухне, на левой стороне двора, отворилась дверь, и в ней показались двое дворецких и восемь поварят. Они несли подносы с кушаньями на блюдах, покрытых серебряными крышками.

Один из дворецких, видимо, старший по чину, молча коснулся жезлом карального, громко храпевшего на скамейке. Он даже был так добр, что подал ему алебарду, стоявшую у стены. Солдат, ошалевший от сна, не спрашивая объяснений, проводил до столовой слуг, несших яства, предназначенные для их высочеств; впереди шли паж и двое дворецких.

Когда блюда проносили мимо часовых, они отдали честь.

Монтале и ее подруга смотрели из окна на подробности этого церемониала, хотя давно уже привыкли к нему. Впрочем, их любопытство вызывалось только желанием убедиться в том, что их оставили в покое. Когда поварята, солдаты, пажи и дворецкие прошли, они опять сели к столу, и солнце, на мгновение осветившее эти два прелестных личика, теперь опять озаряло только левкой, примулы и розы.

— Ну, — сказала Монтале, устраиваясь по-прежнему, — ее высочество позавтракает и без меня.

— Ах, Монтале, ведь вас накажут! — отвечала блондинка, усаживаясь на свое место.

— Накажут? Это значит, что меня не повезут на прогулку. Да я только этого и хочу! Ехать в огромной колыхаге, держась за дверцу, поворачивать то направо, то налево по скверной дороге, по которой едва можно проехать милую в два часа; потом возвращаться к тому флигелю, где окно Марии Медичи, причем герцогиня непременно скажет: «Кто поверит, что через это окно бежала королева Мария! Сорок восемь футов высоты! А она была матерью двух принцев и трех принцесс», — какое развлечение! Нет, Луиза, пусть меня наказывают каждый день, особенно когда наказание доставляет мне возможность побыть с вами и писать такие занимательные письма.

— Монтале! Монтале! Надо исполнять свои обязанности.

— Хорошо вам, друг мой, говорить об обязанностях, когда вы пользуетесь полной свободой при дворе. Только вы одна получаете все выгоды и не несете никаких тягот: вы больше, чем я, фрейлина герцогини, потому что она переносит на вас свое расположение к вашему отчиму. Вы клюете зернышки в этом печальном доме, точно птички на нашем дворе, вдыхаете воздух, наслаждаетесь цветами и ничего не делаете. И вы же говорите мне, что надо исполнять свои обязанности! Скажите, моя прелестная ленивица, какие у вас обязанности? Писать красавцу Раулю? Но вы и ему не пишете, — значит, вы тоже немножко пренебрегаете своими обязанностями...

Луиза приняла серьезный вид, оперлась подбородком на ладонь и сказала:

— Упрекать меня за счастливую жизнь! И у вас хватает духа... У вас есть будущность: вы служите при дворе. Когда король женится, он призовет к себе его высочество: вы увидите великолепные празднества, увидите короля... Говорят, он так хорош, так мил...

— А кроме того, я увижу Рауля, который служит у принца, — лукаво прибавила Монтале.

— Бедный Рауль! — вздохнула Луиза.

— Пора писать ему, душенька! Ну, начинайте опять со слов «Господин Рауль», так красиво выведенных на листке, который вы разорвали.

Она подала подруге перо, улыбкой стараясь ее приободрить.

Та написала знакомые нам слова.

— А теперь что? — спросила блондинка.

— Теперь пишите то, что думаете, Луиза, — отвечала Монтале.

— Уверены ли вы, что я думаю о чем-то?

— Вы думаете о ком-то, а это одно и то же, и даже хуже.

— Вы уверены в этом, Монтале?

— Луиза, Луиза, ваши голубые глаза глубоки, как море, которое я видела в Булони в прошлом году. Нет, я ошибаюсь, море коварно, а ваши глаза чисты, как лазурь вон там, над нашими головами.

— Если вы так хорошо читаете в моих глазах, то скажите, что я думаю.

— Во-первых, вы не думаете «Господин Рауль», вы думаете «Мой милый Рауль».

— О!

— Не краснейте из-за пустяков. Вы думаете: «Мой милый Рауль, вы умоляете меня писать вам в Париж, где вас удерживает служба у принца. Должно быть, вам очень скучно, если вы ищете развлечения в воспоминании о провинциалке...»

Луиза вдруг встала.

— Нет, Монтале, — сказала она с улыбкой, — нет, я думаю совсем другое. Смотрите, вот что я думаю...

Она храбро взяла перо и твердой рукой написала следующие строки:

«Я была бы очень несчастлива, если бы вы не так горячо просили меня вспоминать о вас. Здесь все говорит мне о первых годах нашей дружбы, так быстро промелькнувших, так незаметно улетевших, и никогда ничто не истребит их очарования в моем сердце».

Монтале, следившая за быстрым полетом пера и читавшая по мере того, как ее подруга писала, захлопала в ладоши.

— Давно бы так! — воскликнула она. — Вот искренность, вот чувство, вот слог! Покажите, милая, этим парижанам, что Блуа — родина хорошего стиля.

— Он знает, что для меня Блуа — земной рай, — ответила блондинка.

— Вот я и говорю. Ангел не мог бы выразиться более возвышенно.

— Я кончаю, Монтале.

И она продолжала писать:

«Вы говорите, Рауль, что думаете обо мне. Благодарю вас, но это не может удивить меня: ведь я знаю, сколько раз наши сердца бились одно возле другого».

— О, — сказала Монтале, — овечка моя, берегитесь волков!

Луиза хотела ответить, как вдруг у ворот замка раздался конский топот.

— Что такое? — удивилась Монтале, подходя к окну. — Право, красивый всадник.

— Ах, Рауль! — воскликнула Луиза, тоже приблизившись к окну.

Она побледнела и в сильном волнении опустила на стул подле недописан-

ного письма.

— Вот молодец! — засмеялась Монтале. — Он явился очень кстати.

— Отойдите от окна... Отойдите, умоляю вас! — прошептала Луиза.

— Ну вот! Он не знает меня, дайте же мне посмотреть, зачем он сюда приехал.

II. Курьер

Монтале сказала правду: приятно было взглянуть на молодого всадника.

На вид ему было лет двадцать пять. Высокий, стройный, он ловко носил тогдашнюю красивую военную форму. Высокие ботфорты с раструбами облегали ногу; от такой ноги не отказалась бы сама Монтале, если бы вздумала нарядиться в мужской костюм. Тонкой, но сильной рукой он остановил лошадь посреди двора; потом приподнял шляпу с перьями, бросившую тень на его серьезное и вместе с тем простодушное лицо.

Солдаты проснулись от конского топота и вскочили со скамеек.

Один из них подошел к молодому всаднику, который наклонился к нему и сказал голосом таким чистым и звонким, что его услышали даже девушки у своего окна:

— Курьер к его королевскому высочеству!..

— Господин офицер! — закричал часовой. — Курьер приехал!

Но солдат знал, что никто не придет. Единственный офицер жил в глубине замка, в квартире, выходившей в сад.

Поэтому солдат прибавил:

— Господин шевалье, офицер проверяет посты, я доложу о вас господину де Сен-Реми, дворецкому.

— Де Сен-Реми! — повторил всадник, краснея.

— Вы его знаете?

— Знаю... Сообщите ему поскорее, чтобы обо мне тотчас доложили его высочеству.

— Значит, дело, должно быть, спешное, — сказал солдат как бы про себя, но надеясь на ответ.

Всадник кивнул головой.

— В таком случае, — продолжал часовой, — я сам пойду к дворецкому.

Тем временем молодой человек спрыгнул на землю, и, пока другие солдаты с любопытством следили за каждым движением статной лошади, принадлежащей новоприбывшему, часовой, отошедший было на несколько шагов, вновь вернулся, чтобы промолвить:

— Позвольте узнать ваше имя.

— Виконт де Бражелон, от его высочества принца Конде.

Солдат низко поклонился и, как будто имя победителя при Рокруа окрылило его, взбежал по ступеням лестницы в переднюю.

Не успел виконт де Бражелон привязать лошадь к железным перилам крыльца, как к нему выбежал запыхавшийся Сен-Реми, придерживая одной рукой толстый живот, а другой рассекая воздух, как гребец рассекает воду веслом.

— Виконт! Вы здесь, в Блуа? — воскликнул он. — Какое чудо! Здравствуйте, господин Рауль, здравствуйте!

— Мое почтение, господин де Сен-Реми.

— Как госпожа де Лаваль... я хочу сказать, как госпожа де Сен-Реми будет

счастлива, когда увидит вас! Но пойдете! Его высочество завтракает. Надо ли тревожить его? Дело у вас важное?

— Да как сказать... Возможно, что минута промедления не понравится его высочеству.

— Если так, нарушим правила. Пойдете, виконт! Впрочем, его высочество сегодня в духе... И притом вы привезли нам новости?

— Очень важные.

— И, вероятно, хорошие?

— Самые приятные.

— Так идите скорей! Как можно скорей! — вскричал добряк, поправляя на ходу свой костюм.

Рауль шел за ним с шляпой в руке, немного смущенный торжественным звоном шпор по паркету огромных зал.

Как только он вошел во дворец, в знакомом нам окне опять показались головки, и оживленный шепот выдал волнение девушек. Видимо, они приняли какое-то решение, потому что черноволосая головка исчезла, а белокурая осталась в окне, прячась за цветами и внимательно глядя сквозь листья на крыльцо, по которому виконт вошел во дворец.

Между тем виконт, явившийся причиной всех этих волнений, шел следом за дворецким. По донесшемуся к нему шуму торопливых шагов, аромату вин и кушаний, звону бокалов и посуды он понял, что приближается к цели. Паж, служители и лакеи, находившиеся в комнате перед столовой, встретили гостя с учтивостью этого края, вошедшей в поговорку. Некоторые были знакомы с Раулем, и почти все знали, что он приехал из Парижа. Можно сказать, что его появление нарушило на минуту перемену блюд.

Паж, наливавший вино его высочеству, услышав звон шпор в соседней комнате, обернулся с детским любопытством и не заметил, что льет вино уже не в стакан герцога, а на скатерть.

Герцогиня, не столь поглощенная своими мыслями, как ее достославный супруг, заметила рассеянность пажа.

— Что такое? — спросила она.

— Что такое? — повторил герцог. — Что там случилось?

Сен-Реми воспользовался удобной минутой и просунул голову в дверь.

— Зачем меня беспокоят? — спросил герцог, кладя на тарелку солидный кусок одного из самых огромных лососей, которые когда-либо поднимались вверх по Луаре, дабы попасться на удочку где-то между Пенбефом и Сент-Назер.

— Приехал курьер из Парижа. Но он может подождать, пока завтрак...

— Из Парижа! — удивился герцог, роняя вилку. — Курьер из Парижа, говорите вы? А от кого?

— От принца, — поспешил сообщить дворецкий.

Принцем называли в те времена принца Конде.

— Курьер от принца? — сказал герцог с беспокойством, замеченным всеми присутствующими и удвоившим общее любопытство.

У герцога мелькнула, быть может, мысль, что вернулись те блаженные времена заговоров, когда каждый стук двери приводил его в волнение, каждое письмо заключало в себе государственную тайну, каждый курьер был орудием опасной и запутанной интриги. Может быть, самое имя великого принца встало